

Вернисаж

МОСКОВСКАЯ ГОСТИНАЯ

И сгорает сгорает, сгорает...

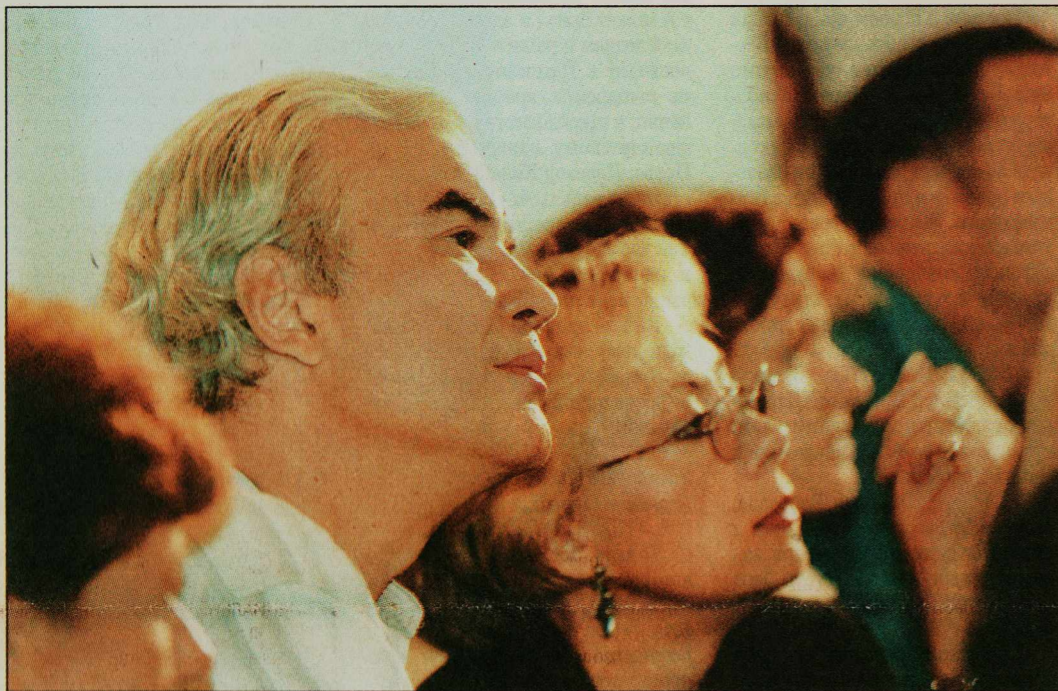
Очередной сезон в нашей «Гостиной на Куззовском» завершился на пронзительной ноте — САМОСОЖЕНИЕМ МАРКА РОЗОВСКОГО — драматурга, актера, главного режиссера созданного им театра «У Никитских ворот». При большом стечении ненапрасно заинтересованной публики Марк Григорьевич сгорел в огне собственного искусства, успев поджечь свой сорокалетний творческий путь. От руководимого им студенческого ансамбля МГУ «Наш Дом», через создание первой советской рок-оперы «Орфей и Эв-

ридика» и знаменитой «Истории лошади» в ленинградском БДТ, вплоть до двух с лишним десятков спектаклей репертуара его собственного театра. Самосожженец выступил в ожидаемой для него роли камикадзе — как композитор и исполнитель собственных песен. От трагических — на стихи Юнны Мориц, посвященных памяти Высоцкого и Окуджавы, — до совершенно лихих, частушечных, подтверждающих, что старое доброе время «капустников» отнюдь не прошло.

Исповедь несгораемого Марка Розовского, совершенная им накануне самоожжения в «Общей газете»:

*В то же пламя влетая упорно,
Та же бабочка — золото с черным!
Еженощно на той же свече
Тыщу крыльев — как два — простирает
И сгорает, сгорает, сгорает...
Только голая дрожь выпирает
На распятом крылатом плече.
Чуть заметно, одними углами,
Улыбаются сонное пламя
В том же настезь раскрытом
окне, —
Только бабочки черная маска
С ним сгорает,
как с Фемидой — покаянка,
И уже несгораема пляска
Этой бабочки в этом огне!*

ЭТО, посвященное мне, стихотворение Юнны Мориц — об искусстве, отнюдь не художнике. О том, что кажется исчезающим в момент своего явления на свет, но это мгновение самоожжения длится вечно. Таков — театр. Искусство мимолетное, обреченное на исполнение во времени и пространстве. Ибо театр, как ге-

Владимир Молчанов сильно до полуночи

циально заметил Станиславский, это то, что здесь и сейчас. И вот только при этом мгновенном споре творца со зрительным залом. Здесь и сейчас происходит обоюдно прорыв в вечность. На два часа ирреальный мир становится реальным, живым.

Театр — мир, который приходит ниоткуда и уходит в никуда. В этом невероятная сила искусства — перестав быть, стать иным.

Ибо театр — единственное место на земле, где вдруг появляется то, чего на самом деле нет, держась лишь на одной вере зрителя.

...Я УЧИЛСЯ в 170-й московской школе. В параллельном классе был Эдик Радзинский, Люся Петрушевская нашу школу заканчивала. Рядом был МХАТ. Когда я бежал по улице Москвина в школу, мне навстречу шли люди в богатых драповых

пальто с бобровыми воротниками, в боярских таких шапках — сбоку меховых, а сверху покрытых черным бархатом. Это были артисты, идущие на спектакль. Ни в каком сне мне не могло прийти в голову, что я, маленький еврейский мальчик, смогу заниматься тем же, чем и они, сравняться с этими полубогами.

ТЕАТР-СТУДИЯ «Наш Дом» возник в МГУ в конце 58-го года. Мне был 21 год, я учился на факультете журналистики и вдруг стал руководителем этого коллектива. Мы шли на волне освобождения общественного сознания после XX съезда. Помню явление Дудинцева в университете, Паустовского. Помню, каким потрясением для меня стала поездка на целину. Ехал я туда правоверным комсомольцем, с прочными идеологемами коммунизма, а вернулся готовым анти-советчиком. Вся ложь и несправедливость нашей жизни проявилась там, «где было место подвигу». Я видел, как гибли ребята и как пытались скрыть их смерть, спрятать концы в воду. Я видел, как голодали рядовые комсомольцы и как жирели на льготах руководители. Это было колоссальным отрезвлением, когда шелухой слетела вся пропагандистская понтыра. И был фестиваль 57-го года со всего его двояковогнутостью, когда власти хотели показать всему миру,

как мы свободны, а одновременно с этим всех, кто поверил в провозглашенные лозунги, тут же давили и травлили. И тогда же вернулся из сталинских лагерей мой отец, отсидевший 18 лет.

Мы были неофициальным театром, андерграундом. Еще не было Театра на Таганке, но уже был «Современник», где ставили Розова, — да нас он был официозом, и мы смеялись над темами, которые там поднимались. Я первым в стране поставил «Город Градов» по Андрею Платонову — ничего более сильного до сих пор не написано про тоталитарную систему. Когда люди лезли на премьеру в форточку, театр буквально трещал по швам. Каждый спектакль запрещали в парткоме, придирались к каждому слову: «А почему у вас Фемида в «Сказании о царе Максимилиане» выходит с желтой папочкой?» А это было время процесса над Синявским и Даниэлем. Саша Филиппенко, изображавший Фемиду, выходил с повязкой на глазах и весами, а Иван Мастер говорил ему: «Осторожно, здесь ступенька...» — «Я вижу...» И в зале начиналась овация. Какова же была сила единения сцены с залом! В этом понимании с полуслова возникало ощущение свободы, которое и есть театр.

Недавно ко мне обратились с «Радио России» с просьбой записать этот спектакль, и я позвонил Гене Хазанову, игравшему тогда у нас. А за разом сидел 19-летний Максим Дунаевский, который тогда был учеником Хачатуряна. Он приехал сейчас из Лос-Анджелеса, и я предложил ему записать музыку. Он говорит: «Да я не помню уже ни одной мелодии». — «Ничего, говорю, я тебе напую с голоса, ты вспомнишь». Еще был потрясающий актер — Володя Точилин, для которого на самом деле я и придумал «Историю лошади», еще до Лебедева. И была вся эта генерация — Алик Аксельрод, Виктор Славкин, Семен Фаррад, Миша Филиппов, который сейчас в «Маяковке»...

В ПРИКАЗЕ секретаря парткома

МГУ В.Н. Ягодкина, ярого дуболома, шедшего по трупам, было написано в стиле приказов гражданской войны: «Ликвидировать эстрадную студию МГУ «Наш Дом!» Именно что — ликвидировать... А устно, это был 69-й год, говорилось: «Вот, вот, с чего в Чехословакии началось!»

Сейчас я приехал из Чехии, где ставил спектакль, посвященный 30-летию «Пражской весны». Видишь, какой скачок совершила эта страна, потому что, во-первых, во главе ее стоит честный, интеллектуальный президент, а во-вторых, изначально было принято решение о запрете компартии, как преступной палаческой организации, винов-

наши апатия и разочарования.

...РАНЬШЕ зритель шел в театр за правдой, сегодня он идет за искусством человечности. Когда зритель со смещенным «клиповым» сознанием вдруг видит перед собой актера, играющего с душой, самоотдачей, с полным самоожжением, то вдруг все встает на свои места. Оказывается, что общество у нас — не больное, а нормальное. Просто оно лишено того, что ему нужно.

У нас идет полный текст «Ромео и Джульетты» в переводе Пастернака, с музыкой Чайковского, гениально легкой на спектакль. И вдруг я увидел в своем театре со-

Василий Катанян обсуждает с женой новые главы мемуаров

ной перед своим народом за совершенные преступления. То, что в России не сделал Ельцин и что так и будет впрямь определять все его неудачные и половинчатые решения. Какой может быть «год примирения и согласия» с мерзавцами, преступниками и правопреемниками этих преступников, сующих палки в колеса любых здравых действий! Поэтому в Чехии сейчас одежда, еда, жилье вдвое дешевле, чем у нас. Поэтому там есть средний класс. А в России сущностный вопрос свободы так и не решен, и отсюда все

вершено нового зрителя — какие-то молодые люди с железками, бритоголовые, с наколками, какая-то шпана арбатская. Сел рядом с ними в зале. Они потрясающе реагируют на все — как на детективную историю, которую видят впервые! Они привыкли к концертам рок-музыки, где на большом расстоянии получают мощный удар по ушам и по психике, а тут вдруг в маленьком зале видят прямо перед собой актера, который играет для них. И они начали ходить на другие спектакли — такими стайками по пять, по восемь

человек. Иногда с бутылкой. Я сначала был в ужасе, а потом вспомнил, что и сам, когда с классом ходил в ТЮЗ, в туалете портвейн пил. А значит, смирился, гордый человек, порадовался тому, что жизнь продолжается...

Иногда кажется, что сегодня свобода слов досталась тем, кому и сказать нечего. А кому есть, что сказать, жальется, что оны не дают. Раньше шутком не даша, а теперь отсутствие денег не диет... Такое меня зло взяло в преддверии этой стены, такой прежний азарт игрока!

В прошлом году в Авиньоне был «русский сезон», и мы накануне ждали президента фестиваля, который должен был прийти на нашего «Дядю Ваню». Но его увели куда-то в другое место. Тогда я разозлился и вывез туда «Бедную Лизу» за свой счет. Поступил как «белый человек»: арендовал помещение, вывез спектакль и актеров без всяких посредников, мы играли на русском и на французском. В первый день на спектакле было 11 человек, во второй — 25, в третий — 36, а дальше были сплошные аншлаги. Спектакль прошел на «ура», мы даже немного заработали. И я понял, что нам никто не нужен. Не надо толкаться в очереди, чего-то просить. Не надо завидовать, смотреть косо на конкурента — места хватит всем. Нужно только иметь спектакль того уровня, который позволит тебе достичь успеха. И желание пробить ту стену, которая всегда стоит перед искусством.

Благодаря успеху в Авиньоне мы сейчас едем в Гренобль с «Бедной Лизой» на фестиваль европейских театров. В августе я повторю прошлогодний трюк и верну на свой страх и риск в Эдинбург «Историю лошади». В начале сентября я открываю сезон в Москве, и через две недели после этого мы с театром отправляемся по двадцати городам «русской Америки» со спектаклем «Гамбринус».

Театр — это всегда игра сегодняшнего дня. Самоожжение продолжается, господа!

Самоожжение артиста — вещь непростая. Марку Розовскому помогли Татьяна Ревзина (роль) и Валентина Ломаченкова (скрипка). Бушевавшее в «Гостиной ОГ» творческое пламя раздули, конечно, и все присутствовавшие, среди которых мы не можем в конце сезона не отметить наших постоянных гостей — академика Александра Николаевича Яковлева, Николая Петракова и Олега Богомолова, писателей Николая Шмелева, Олега Попцова, Виктора Ерофеева, социологов Бориса Грушина и Дмитрия Фурмана, депутата Элла Памфилова, ректора РГГУ Юрия Афанасьева, тележурналистов Владимира Молчанова и Юрия Роста, главного редактора «Нового мира» Андрея Васильевского и многих других. Не имея физической возможности перечислить всех, мы лишь выражаем надежду на новые встречи с ними в будущем сезоне, который откроется в начале сентября.

И еще. Все собравшиеся в этот вечер на Куззовском не могли не сказать добрых слов по поводу оформления «Гостиной». Это была прекрасная живопись Ольги Гречиной и Натальи Нестеровой, графика Анны Гречиной. Особая благодарность куратору галереи «Вместе» Наталье Соповой, которая помогла нашей работе на протяжении всего сезона.

Подготовил
Игорь ШЕВЕЛЕВ
Фото
Сергей ХВОРОСТАВА

Первый ряд московской интеллигенции